Г. Ю. КОРЕНЬ

Корень Глеб Юрьевич
магистр социологии
докторант, Европейский гуманитарный университет
Valakupių g. 5, 10101 Vilnius, Lietuva
Tel.: +370-5-274-06-22
E-mail: gleb.koran@gmail.com

Субъектность «анонимуса»: возможность «множества» в цифровом пространстве

Аннотация. Одной из наиболее популярных категорий в современной политической философии является категория «множества», подразумевающая совместный характер отправления власти большим количеством индивидуумов, соединенных между собой лишь своими сингулярностями как собственными уникальными свойствами. Наибольшую популярность этот концепт получил после выхода книги Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя», однако он тут же стал объектом критики, указывающей на размытость концепта. В первой части нашей статьи представлено генеалогическое осмысление категории «множества» в современной политической философии, для которой «множество» является типом воплощения власти в «обществе контроля», пришедшем на смену «дисциплинарному обществу». Современное интернет-движение «анонимусов» наиболее ярко воплощает собой такой тип отправления рассредоточенной между индивидуумами власти, при которой ее осуществление исходит от их сингулярностей. Сопоставлению существующих в пространстве цифровых технологий «анонимусов» и «множества» как политической категории посвящена вторая часть статьи.

Ключевые слова: множество, постфордизм, новые медиа, социальные сети, субъектность, когнитивный капитализм

«Множество» как диалектический двигатель Империи

Знаменитый «левый бестселлер» Майкла Хардта и Антонио Негри под названием «Империя» предлагает новый взгляд на современный капитализм, представляя новое концептуальное измерение капитализма — измерение Империи. Неподготовленному читателю это понятие покажется тождественным понятию империализма, в XX в. уже неоднократно становившемуся объектом марксистской критики и означающему территориальную экспансию национального капитала [Хардт, Негри 2004: 3]. Однако авторы «Им-

© Г. Ю. КОРЕНЬ

перии» сознательно разводят эти понятия, утверждая, что, «в противоположность империализму, Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это — децентрированный и детерриториализованный, т. е. лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы» [Там же: 12]. Другими словами, Империя представляет собой новый способ осуществления власти вообще, и эта власть неизбежным образом связана с капитализмом как со способом экономической организации общества. Причем власть эта глобализована, т. е. она не регламентируется национальными суверенитетами. В конце концов Хардт и Негри даже утверждают, что разделение государств на страны первого, второго и третьего мира уже попросту не работает и что в любой отдельной стране могут быть обнаружены признаки каждого из этих типов стран: например, в США некоторые люди живут за чертой бедности и поэтому относятся к самому что ни на есть «третьему миру», в то время как в «отсталых» странах африканского либо азиатского континента множество людей живет по «высоким стандартам», благодаря чему их можно рассматривать как представителей «первого мира» [Там же]. Тем не менее далеко не все исследователи согласны с такого рода осмыслением процесса глобализации, да и сама книга Хардта и Негри получила массу не совсем лестных отзывов, но к критике этих отзывов я буду обращаться по мере представления мною концептуальных идей «Империи». Так, Самир Амин, видный представитель такой сферы марксистской мысли, как мир-системный анализ (который сосредоточен на проблемах глобализации и неравенства национальных стран в экономической перспективе), отзываясь о книгах Хардта и Негри «Империя» и «Множество: война и демократия в эпоху империи» (см. о ней далее), утверждает, что отрицание империализма в отношении современного капитализма не просто ошибочно, но и вредно, поскольку оно поддерживает доминирующий либеральный дискурс, отрицающий возможность революционных преобразований, направленных против капитализма [Amin 2005].

Однако проблема «оппортунизма», о которой говорят в отношении «Империи» Самир Амин и другие исследователи, заключается не только в отрицании Хардтом и Негри существования «третьего мира», но и в самом концептуальном ядре «Империи», которое позволяет сделать подобное утверждение (столь противоположное классическому марксистскому взгляду на глобализацию). Осмелюсь предположить, что ядром «Империи» является переосмысление концепта биополитики, разработанного еще Мишелем Фуко, и если сопоставить, с одной стороны, переосмысленную биополитику, и, с другой, прочтение Фуко Жилем Делёзом, биополитика становится значимым моментом «дисциплинарного общества», благодаря которому последнее трансформируется в «общество контроля» [Хардт, Негри 2004: 36]. Делёз поэтично рассуждал о переходе от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля»:

> Мы перешли от одного животного к другому, от крота к змее, не только в режиме нашего существования, но и в том, что касается образа жизни и отношений с другими людьми. Дисциплинарный человек периодически производил энергию, человек же общества контроля, скорее, похож на волну, он словно выведен на орбиту и постоянно находится на связи [Делёз 2004: 230].

Согласно Хардту и Негри, отличие «общества контроля» от «дисциплинарного общества» заключается в том, что первое «характеризуется интенсификацией и генерализацией аппаратов дисциплинарной нормализации, которые служат внутренней движущей силой наших повседневных практик, но, в отличие от дисциплины, этот контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей» [Хардт, Негри 2004: 36]. Таким образом, «общество контроля» «формируется на заре современности и развивается, перемещаясь к периоду постсовременности, в общество, где механизмы принуждения становятся еще более "демократическими", еще более имманентными социальному полю, распространяясь на умы и тела граждан» [Там же]. Помимо всего прочего, не стоит забывать и о так называемой когнитизации капитала, под которой понимается ситуация, когда капитал производит те или иные материальные продукты уже не просто при помощи материальных средств, но используя специфические свойства человеческого сознания (возможность создавать и принимать информацию). Посредством самих людей капитал создает так называемые когнитивные продукты — нематериальные объекты, которые обладают ценностью только в связи с их восприятием другими людьми (самым банальным примером будет благожелательность коммивояжера, которая не измерима ничем, кроме заинтересованности в его товаре покупателя).

В конечном счете оказывается, что в «дисциплинарном обществе» власть рассредоточена и пронизывает действия всех индивидов, при этом она предполагается в виде некоего центрального «надсмотрщика», сидящего в «паноптикуме» и обозревающего общественный ансамбль во всех его измерениях (причем не следует забывать, что этого «надсмотрщика» в действительности может не быть вовсе). В то же время «общество контроля» расширяет рассредоточенность власти до таких пределов, что центральное положение такого «надсмотрщика» оказывается ненужным. Именно место отправления «надзора» в пользу власти, по Хардту и Негри, является принципиальным вопросом демократии, и именно бинарность «трансцендентного и имманентного» как места осуществления власти становится ключевым моментом для их исследования. Анализируя классические работы политической мысли от Гоббса и Локка до Фуко и Альтюссера, авторы утверждают, что подлинная демократическая власть может быть только имманентна самим людям и ни в коем случае не трансцендентна им. Таким образом, политические традиции Реформации, существующие сегодня на уровне идеи «представительской демократии», оказываются абсолютно не демократичными, так как сама идея о том, что власть от имени индивида может осуществлять какой-либо трансцендентный по отношению к нему субъект (в виде партии, политического движения либо «законно избранного» президента), не позволяет говорить о какой-либо демократии. Хардт и Негри воссоздают историю традиций национального суверенитета, благодаря которой мы имеем сегодняшние формы политической власти в виде национальных государств и которая, в конце концов, заканчивается эпохой все той же Империи, когда национальный суверенитет уже не значит так много.

В итоге Империя как определенная фаза развития истории не требует никакого радикального вмешательства извне, насколько это требование признавалось необходимым в классических марксистских работах (т. е. марксизм,

хоть и предполагал свою собственную историографию, но всегда выступал за создание собственной политической силы, двигающей эту историю). Политическая практика как таковая, на первый взгляд, совершенно отсутствует в Империи. Последняя является лишь постоянным воспроизводством самой себя, а значит, и всех индивидуумов, включенных в Империю. Говоря проще — капитал делает все самостоятельно, благодаря ему возникает «дисциплинарное общество» (с наличием «центральной позиции власти», регламентирующей рациональное существование индивидов), которое впоследствии трансформируется в «общество контроля» (в нем власть уже имманентна самому обществу), и такая позиция субъектов Империи в самом деле представляется несколько пассивной. Однако здесь мне кажется важным обратиться к первоисточнику, а именно к Фуко и его концепту биополитики, который был предложен им в курсе «Рождение биополитики», прочитанном в Колледж де Франс в конце 1970-х годов. Самое интересное здесь заключается в том, что Фуко не просто очень мало пишет об имманентности власти субъектам, но в основном делает акцент на неолиберальном преобразовании современного общества. Это преобразование прежде всего предполагает то, что на все общество в целом накладываются принципы экономической рациональности рынка, тем самым Фуко отказывает в автономии как обществу, так и рынку, сводя принцип экономической рациональности к принципу функционирования общества как такового. Фуко активно использует концепт homo economicus:

> Я бы сказал, что в определенном смысле (так обычно и говорят) неолиберализм в этих условиях оказывается возвращением к homo œconomicus. Это так, но, как вы заметили, со значительным сдвигом, ведь что такое homo œconomicus, человек экономический в классической концепции? Так вот, это человек обмена, партнер, один из двух партнеров в процессе обмена. ‹…› В неолиберализме (и он этого не скрывает, он это открыто прокламирует) также обнаруживается теория homo œconomicus, но здесь homo œconomicus — не партнер обмена. Homo œconomicus — это антрепренер, и антрепренер себе самому. Практически это подтверждается тем, что оказывается целью всех предпринимаемых неолибералами исследований, всякий раз заменяющих homo œconomicus как партнера обмена на homo œconomicus как самому себе антрепренера, который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов [Фуко 2010: 285].

Таким образом, каждый отдельный индивидуум становится отдельным предпринимателем, который осуществляет свою деятельность на рынке вместе с другими прочими индивидуумами, и именно таким является общество с точки зрения неолиберализма. Суть же претензий к Хардту и Негри со стороны апологетов классического марксизма состоит в том, что авторы «Империи» не просто принимают неолиберальный взгляд на общество, но и пытаются найти нечто позитивное внутри этой концепции, и позитивность эта состоит в имманентности власти «людей-предпринимателей» своим собственным отношениям.

Закончить критику концепта Империи мне хотелось бы анализом позиций классических марксистов по поводу его содержательной глубины. Так, Борис Кагарлицкий утверждает, что «Империи Хардта и Негри не видно не

потому, что она неуловима, а просто потому, что ее нет» и что «избранный авторами “Империи” ход мысли напрочь исключает любую попытку предложить какую-либо стратегию преобразований. Ведь стратегия предполагает наличие какого-то организующего смысла в системе. Поскольку же в мире “Империи” нет главной оси, основного, системного противоречия, то невозможно (и не нужно) обсуждать вопрос о том, куда направить основной удар. Любая политическая программа адресуется к каким-то конкретным социальным и экономическим проблемам, которые можно четко сформулировать и разрешить — здесь и сейчас» [Кагарлицкий 2004]. В самом деле, Хардт и Негри отказываются от диалектического движения капитала, благодаря которому возникают новые исторические формации. В их историографии Империя возникает, исходя из внутреннего принципа развития системы (уже упомянутый переход от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля»), который остается, говоря языком авторов, трансцендентен самому капиталу. Помимо этого, такой переход вполне может быть описан и марксистским языком, ведь изменения в самом характере «управления общества» можно увидеть в изменении марксистской «надстройкой» «базиса». Ведь несмотря на то что такая ситуация «переворачивает» классическую марксистскую диалектику, именно она легла в основу концепта идеологии Луи Альтюссера [Альтюссер 2011]. Идея воспроизводства общества через «общество контроля» не кажется такой уж новой с точки зрения марксизма. Об этом справедливо пишет Сергей Ермолаев в рецензии на книгу Хардта и Негри:

> …совершенно напрасно авторы ищут «биополитический» контекст только в нынешних условиях производства. В прежние эпохи значение труда тоже не было исключительно экономическим. Производство направлено на удовлетворение человеческих потребностей, но оно же формирует и новые потребности. В этом смысле во все времена труд производил не только общественно полезные продукты, но и личности людей и их отношения между собой. Но раз производство всегда было «биополитическим», то слово «биополитический» становится тавтологией, в нем нет никакой надобности» [Ермолаев 2008].

После представленной выше критики работы Хардта и Негри следует обратить внимание на тот элемент их исследования, который раскрывает концептуальный замысел этого текста, — понятие «множества». В «Империи» это понятие не было полностью раскрыто, и авторы посвятили ему свою следующую книгу. «Множество» концептуально противостоит «народу» как цельному политическому субъекту, однако проблема, с точки зрения авторов, состоит в том, что «народ» всегда передает кому-то власть, и только «множество» само по себе способно осуществлять ее. Благодаря «биополитическому» измерению наследия Фуко, из которого вырастает концепт «множества» как воспроизводства массы сингулярностей, очевидно, что «множество» как категория субъекта в политической философии противостоит «дисциплинарному обществу». Ведь паноптизм «дисциплинарного общества» предполагает наличие трансцендентного надзирателя, который наблюдает за каждым отдельным субъектом, тем самым массы надзираемых оказываются все тем же единым народом, который никоим образом сознательно не участвует в воспроизводстве самого́ социального.

«Множество» определяется Хардтом и Негри как «живая альтернатива Империи, вырастающая в ее недрах», как «открытая и расширяющаяся система, в которой свободно и на равноправной основе могут быть выражены все разногласия. Такая сеть выступает механизмом контактов, позволяющих нам работать и жить сообща» [Хардт, Негри 2006: 4]. Таким образом, «множество» диалектически вырастает из Империи, пытается изменить ее изнутри благодаря неким своим особенным качествам. На самом деле эти особенные качества не формулируются авторами особенно тщательно, чаще сводясь к обобщениям вроде следующего:

> Личности взаимодействуют и контактируют в социуме на основе общего, тогда как их коммуникация, в свою очередь, его производит. Множество представляет собой субъективность, которая возникает из динамики личности и общности [Там же: 246].

Однако существует единственное специфическое свойство «множества», благодаря которому оно обладает потенциалом к изменению Империи изнутри, и это свойство связано с когнитивным характером современного производства. Прежде всего под когнитивным производством авторы понимают любые действия индивидуумов, не направленные на создание того или иного материального товара, но являющиеся товаром сами по себе:

> Каждый вид труда, ведущий к производству нематериального блага, такого как взаимоотношения или эмоции, решение проблем или предоставление информации, от организации продаж до финансовых услуг, в сущности, являются своего рода исполнительством: товаром стала деятельность как таковая [Там же: 249].

Здесь уместно обратиться к другому автору, работа которого «Грамматика множества» также стала своеобразным вызовом для современных марксистов. Я говорю о Паоло Вирно, благодаря которому концепт «множества» предстает в дополнительном лингвистическом измерении. Это измерение возникает благодаря акценту Вирно на постфордизме как на новом способе производства в современном обществе, который с его точки зрения предполагает «разделение лингвистических и познавательных способностей» [Вирно 2013: 38]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что «сегментирование обязанностей не отвечает более объективным, “техническим” критериям, а является откровенно производным, обратимым, изменчивым. То, что действительно интересует капитал, — это первичное разделение лингвистическо-познавательных способностей, поскольку именно оно гарантирует быстроту реакции на инновации, приспособляемость» [Там же]. Другими словами, способность человека познавать отдельные элементы существования наряду со способностью к языковой манипуляции этими элементами ведет к новому способу производства, который больше не связан с отдельными сегментированными операциями трудящихся (в отличие от конвейерного фордизма), но подталкивает последних к постоянному языковому взаимодействию с продуктами своего труда. Под языковым взаимодействием Вирно понимает способность каждого отдельного индивидуума манипулировать знаками, что в разрезе всего общества предполагает

разделение всеми индивидуумами некоего общего языкового пространства. Последнее становится для Вирно условием для образования «множества», и именно благодаря постфордизму как способу производства, активно использующему в своих целях это языковое пространство, «множество» наконец-то обнаруживает свой потенциал к возможности оказаться новой политической категорией. В связи с этим Вирно употребляет марксистский термин *всеобщий интеллект* (general intellect), который активно используется апологетами постфордизма (Маркс, который ввел этот термин, сам пользовался им крайне мало). По мнению Вирно, «всеобщий интеллект, который в эпоху постфордизма выступает как чисто производительный ресурс, может, однако, создать иное "основополагающее начало", он в состоянии затемнить негосударственную публичную сферу. Многие в качестве многих используют публичность интеллекта как свою базу или "пьедестал", в хорошем и плохом смысле» [Там же: 40].

Работа Вирно также была достаточно критично принята классическими марксистами. В упрек ей ставят отстраненность от классической марксистской материалистической диалектики, которая по существу никоим образом не приводит в действие «множество». Так, Татьяна Чижова в рецензии на «Грамматику множества» называет идею «множества» Вирно «достаточно остроумной, но абсолютно метафизической моделью» [Чижова 2013: 140]. Суть претензий исследовательницы заключается прежде всего в размытости определения «множества» (которое в основном существует в работах Вирно, Хардта и Негри, нежели в реальном политическом пространстве), благодаря чему мы не в состоянии четко говорить о том, является ли «множество» новой реально существующей формой политической субъективности или нет. Кроме того, Чижова выказывает недоверие к провозглашению постфордизма ключевым способом производства в современном мире. Апелляция лишь к странам «первого мира», которую так часто используют авторы, пишущие о «множестве», вновь ставится им в упрек — ведь всем известно, что фабрики с дешевой рабочей силой в странах Юго-Восточной Азии организованы на самых что ни на есть фордистских принципах.

Предъявив немалую критику в адрес «множества» (объем которой вполне сопоставим с критикой «Империи»), я оказываюсь в крайне сложной ситуации: если это понятие столь отстранено от реального мира, то почему же я пытаюсь опираться в этой статье именно на него? Ответ на этот вопрос представляется достаточно простым — «множество» в работах и Хардта с Негри, и Вирно представляется некой силой, присущей всему социальному пространству (поскольку оно вырастает из Империи как современного способа существования общества). Постфордизм (опирающийся на когнитивные и лингвистические способности человека), благодаря которому становится возможным «множество», в работах этих авторов позиционируется как единственный способ производства в современном мире. Предметом же моей статьи является не современный социальный мир в целом, но лишь Интернет как одно из его измерений. Естественно, это измерение не является автономным по отношению к социальному миру, но именно оно в самом деле «нематериально» и опирается на когнитивные и лингвистические способности человека. Тем самым «множество» как форма коллективной субъективности здесь может быть обнаружено гораздо в большей степени, чем в социальном мире в целом (принципы производства которого остаются шире принципов постфордизма).

Тем не менее не стоит забывать о том, что Интернет, как и цифровые технологии сами по себе, имеет два измерения; здесь кажется уместным придерживаться классической дихотомии hardware и software. Первое предполагает непосредственно материальный аспект электронно-вычислительных машин, благодаря которому становится возможным лингвистическое взаимодействие пользователей, и это измерение вряд ли требует специфического анализа, утверждающего за таким взаимодействием ключевую роль в современном способе производства. Критика производств компьютеров сама по себе не требует опоры на постфордизм как способ производства и может вполне довольствоваться классической категорией империализма (столь старомодной, с точки зрения Хардта и Негри). В то же время измерение software опирается именно на лингвистические взаимодействия индивидуумов, и именно поэтому критика в адрес концепта «множества» со стороны классических марксистов здесь оказывается бессильной — Интернет и цифровые технологии и в самом деле предполагают новый способ производства, в той или иной степени схожий по своим характеристикам с постфордизмом. Фактически поиск «множества» в современном Интернете и его идентификация с движением «анонимусов» рефлексивны по отношению к тому, что социальная реальность Интернета в целом (и движение «анонимусов» в частности) разнообразнее концепта «множества». Однако выход «анонимусов» за пределы «дисциплинарной» практики паноптизма социальных сетей имеет явную схожесть с преобразованием «дисциплинарного общества» в пользу «общества контроля».

Сингулярная масса «анонимусов»

Название «анонимус» связано с формой комментирования на определенных площадках — если тому или иному пользователю не хотелось регистрироваться на этой площадке, после добавления им комментария к какому-либо материалу имя комментатора записывалось как «anonymous». В настоящее время, когда для регистрации в социальной сети от пользователя могут потребовать прислать скан паспорта, чтобы подтвердить реальность его существования, такого рода анонимное комментирование выглядит атавизмом. Причем, делая реверанс в сторону Хардта и Негри, следует уточнить, что в отношении уничтожения пользовательской анонимности мы имеем дело с глобализованной властью социальных сетей, пришедшей на смену власти национальных суверенитетов: Facebook может затребовать скан паспорта у пользователя безотносительно его гражданства или места выхода в Сеть, если администрации социальной сети покажется, что он использует ненастоящие имя или фамилию[1]. Однако одного анонимного комментирования было бы недостаточно для формирования целого движения «анонимусов», становлению которого способствовали анонимные форумы, или имиджборды. Самый известный анонимный англоязычный форум 4chan был запущен в 2003 г., раньше, чем Facebook. Наибольшую популярность в русскоязычном Интернете получил сервис под названием 2ch (Двач), сегодня не функционирующий. Кроме того, существует специальный русскоязычный сервис Overchan, на котором собраны ссылки и актуальная информация о работе всех русскоязычных имиджбордов.

[1] См. запись «What names are allowed on Facebook» на странице Справочного центра Facebook (https://www.facebook.com/help/112146705538576?helpref=topq).

Анонимность, которая является специфическим отличием имиджбордов от прочих форумов, естественно, предполагает отсутствие какой-либо цензуры, несмотря на то что, как правило, на имиджбордах существуют администраторы, которые, однако, в первую очередь обеспечивают техническую работу площадки. Помимо всего прочего, имиджборды предполагают не просто текстовый обмен информацией между «анонимусами», но и возможность мультимедийной коммуникации: к тексту можно прикреплять картинки (кстати, благодаря этой функции имиджборды получили свое имя — image boards), аудиофайлы, видеофайлы. Эмпирический пример такого взаимодействия выглядит следующим образом: «анонимус» оставляет текстовое сообщение в ветке имиджборда, а отвечающий на него пользователь (тоже, естественно «анонимус») реагирует на него другой формой информации, к примеру картинкой, следующий же может отреагировать звуковым файлом и т. д. Однако свобода коммуникации внутри имиджбордов не ограничивается только таким ее семиотическим и неподцензурным измерением; для выявления очередной грани этой «свободы» потребуется вспомнить, что социальные сети — это капиталистические организации, осуществляющие свою деятельность посредством предоставлении рекламодателям таргетированной рекламы. Имиджборды же, в отличие от социальных сетей, фактически никому не принадлежат, также, в отличие от социальных сетей, они не обладают гигантскими серверами информации, как правило, они обладают всего лишь движком, который расположен на каком-либо ограниченном хостинге размером в несколько гигабайт. Сама форма имиджбордов не предполагает хранения больших объемов информации; имиджборд разбит на ветки форума, каждая ветка поднимается вверх, после того как в нее была отправлена информация очередным «анонимусом». Ветки, в которых давно никто не писал, автоматически удаляются с сервера и перестают занимать на нем место (эти сервера, в отличие от серверов социальных сетей, весьма ограничены в объеме). Справедливости ради следует отметить, что некоторые имиджборды имеют функцию архивирования своих материалов со стороны администраторов — к примеру, гигантские архивы коммуникации «анонимусов» одного из наиболее популярных русскоязычных имиджбордов, Двача, выложены на специальном сайте под названием Архивач (в то время как сам этот имиджборд давно уже не работает).

Соответственно, имиджборды не учитывают деятельность внутри себя пользователей в качестве отдельных автономных единиц (в отличие от социальных сетей, когда под каждого отдельного пользователя создается специальный профиль). Фактически имиджборд представляет собой огромное самовоспроизводящееся вместилище информации, где эту информацию создают не просто отдельные пользователи (как в случае социальных сетей), но именно масса «анонимусов», которые никак не могут быть выделены внутри имиджборда. Таким образом, стандартная механика социальной сети в виде «репостов» и «лайков» внутри такого рода ресурсов попросту не работает, соответственно, ни один пользователь и ни одна страница не может присвоить себе никакого символического капитала в виде тех же «лайков». Необходимо также напомнить об отсутствии рекламы на такого рода ресурсах — ведь если имиджборд никому не принадлежит, значит, он не является полноценным экономическим субъектом, который заинтересован в преумножении своих пользователей (которые являются символическим капиталом для любого интернет-ресурса) для

последующего перевода в капитал денежный (ведь рекламные площади получают бóльшую стоимость за счет большего количества пользователей).

Такого рода ситуация предполагает относительную автономию имиджбордов по отношению к «пользовательскому» Интернету, который представлен в виде социальных сетей (я имею в виду ресурсы, которые предполагают обязательную идентификацию отдельного пользователя в пользовательском профиле), что в конечном счете вылилось в определенное противостояние между этими двумя концептуально различными способами взаимодействия в Интернете. Поскольку «анонимусы» осуществляют свою коммуникацию в местах, свободных от цензуры, а значит, и от «паноптического взора» социальных сетей, естественно, что вопрос освобождения знания от каких-либо цензурных либо имущественных рамок является первоочередным для движения «анонимусов». Фактически здесь обнаруживает себя концептуальное пересечение реально существующего движения «анонимусов» и теоретического концепта «множества» — ведь способ воспроизводства «анонимусов» как движения, осуществляющего политическую практику (см. далее), опирается именно на общечеловеческие лингвистические и познавательные способности. Естественно, мы можем сказать, что средства коммуникации сами по себе немыслимы без такого рода способностей, а Интернет как очередная стадия развития цифровых технологий освобождает эту коммуникацию от своего материального воплощения. Однако новое, когнитивное измерение капитализма начинает переносить принципы рыночных взаимоотношений на сферы когнитивно-познавательного взаимодействия. Другими словами, Интернет как сфера коммуникации становится лишь очередным рынком для капитала. Вернувшись к Фуко, а также к его прочтению Хардтом и Негри, можно сказать, что социальные сети с их стремлением к персонификации индивидуума и его тщательнейшим учетом посредством паноптизма (который даже еще более прост в такой ситуации цифрового взаимодействия, нежели в ситуации «аналоговой», ведь каждый индивидуум по умолчанию оставляет в Интернете определенные следы) продолжают традицию «дисциплинарного общества». В то же самое время анонимность пользователей на имиджбордах позволяет расценивать их как «множество», которое регулирует свое существование посредством собственных лингвистических и познавательных способностей, причем это регулирование осуществляется имманентно им самим же, поскольку имиджборды, как я уже указывал, не являются корпоративными субъектами капитала. Именно такое общество, реальная деятельность которого соотносится с теоретическими утверждениями Хардта и Негри, можно назвать «обществом контроля», где власть имманентна самим людям, но никак не выносится за пределы их тел в пользу неуловимых практик «микрофизик власти», которые с легкостью можно обнаружить в современном Интернете (контекстная реклама, учет пользователей социальными сетями и т. д.).

Однако деятельность «анонимусов» далеко не всегда может оказаться позитивной для самого общества, которое мы можем себе представить в виде делёзовского «общества контроля», и эта «негативность» «анонимусов» вполне исходит из возможности «множества» осуществлять власть негативным образом. Ведь «анонимус» как «множество» не объемлет собой социальный мир — потому предсказуемы моральные конфликты между сингулярной властью «множества» и упорядоченным пространством обы-

денного мира. Рассуждая о зарождении «анонимусов», Габриэлла Коулмэн в своей книге, написанной по результатом включенного наблюдения движения «анонимусов», пишет:

> Анонимус, будучи рожденным на ветке 4chan, посвященной «нетематическому» общению под названием /b/ (зачастую считающейся «задницей Интернета»), был именем, синонимичным троллингу — деятельности, которая стремится испортить репутацию индивидуумов и организаций и обнаруживать постыдную и личную информацию. Тролли пытаются вывести людей из себя, распространяя скверный или эмоциональный контент, воспламеняя споры или зарождая всеобщий бедлам [Coleman 2014: 4].

Таким образом, суть троллинга как практики есть обнародование какой-либо скрытой информации, будь то сознательная провокация одного пользователя другим ради некоего постыдного высказывания последнего или банальная кража персональной информации (причем с целью не личного обогащения, а публичного распространения этой информации). Возвращаясь к теоретическим основаниям моей статьи, следует вспомнить, что постоянная личная идентификация индивидуумов является неотъемлемой задачей «дисциплинарного общества». В эмпирическом же смысле, относящемся к цифровому взаимодействию, можно вспомнить практики пользовательских профилей, существующие в сегодняшних социальных сетях. В такой ситуации пользователь становится отдельным «предпринимателем», обособленным от других и владеющим своей собственной личной и уникальной информацией. Естественно, такое положение дел не соответствует понятию «общества контроля», в котором воспроизводство общества всегда совместно и каждый отдельный индивид не опутан сетями своих личных данных. Нельзя настаивать на том, что присвоение личной информации, связанной непосредственно с финансами индивидуума, можно рассматривать в рамках парадигмы «общества контроля», ведь смысл публикации скрытой информации в том, чтобы отказаться от практики приватизации этой информации теми или иными индивидуумами или организациями. Финансовое же измерение информации в современном виде (это касается, к примеру, данных личных банковских карт), само по себе не предполагает ее совместного сингулярного обладания, что обесценивает такого рода практики в отношении сдвига к «обществу контроля». Тем не менее практика взламывания аккаунтов каких-либо известных персон с целью предоставления широкой публике информации, скрытой владельцами этих аккаунтов, кажется вполне уместной в рамках диалектической борьбы «общества контроля» с «дисциплинарным обществом». Индивидуализм субъектов «дисциплинарного общества» всегда предполагает сокрытие ими информации о себе наряду с одновременным ее производством. Если попытаться отрефлексировать ситуацию, в которой «компрометирующие» фотографии знаменитостей (культ которых также вполне соответствует духу «дисциплинарного общества») оказываются выкрадены и выложены во всеобщий доступ, эта ситуация говорит нам лишь об одержимости субъектами такого общества самими собой и приватизации ими образов самих себя. Ведь если такие фотографии уже были сделаны,

очевидно, что эти субъекты были не против запечатления своих же собственных образов, но в то же самое время моральные установки общества не приветствуют такого рода практики.

С одной стороны, информация бесполезна без субъектов, воспринимающих ее, в таком случае она является просто свалкой раскодированных знаков, но «дисциплинарное общество» не в состоянии позволить этой информации циркулировать свободно, она всегда должна быть опутана сетями кодов. В любом случае практики публичного обнародования персональной информации, с точки зрения парадигмы возможного «общества контроля», не несут угрозы непосредственно создателям этой информации как индивидуумам, являющимся не просто «автономными предпринимателями», но существами, разделяющими с другими общее лингвистическое пространство (на котором и основано понятие «множества»).

С другой стороны, нельзя сказать, что вся деятельность «анонимусов» в Сети, использующая так называемый троллинг, направлена только на «освобождение» некой закрытой информации в пользу ее общедоступности. Некоторые акты «анонимусов» являются обычным хулиганством. Габриэлла Коулман описывает один из таких актов: в одном IRC-канале некий «анонимус» предложил взломать форум больных эпилепсией и наполнить его ярко мерцающими картинками, которые могут провоцировать приступы эпилепсии [Coleman 2014: 69]. Еще одним интересным кейсом является акция «Захвати Уолл-стрит», которая не была инспирирована «анонимусами», но в которой они приняли активное участие. Суть ее заключалась в том, чтобы мирным пикетом парализовать движение на соответствующей улице в Нью-Йорке, на которой, как известно, находятся основные финансовые центры современной экономики. Основным лозунгом акции был знаменитый лозунг «Вас один процент, а нас девяносто девять», подразумевающий огромный дисбаланс между обеспеченной элитой и прочими гражданами США: глобальный капитализм дошел до такой точки, в которой средний класс уже начинает исчезать, а низшие и высшие слои становятся беднее и богаче соответственно. При этом трансцендентность управляющих населением элит становится очевидна протестующим, и именно на этой трансцендентности основывается количественная метафора упомянутого девиза. Движение «анонимусов» по своей сути разделяет намерения участников этой акции: безымянное интернет-множество таким же образом утверждает свою множественность, подчеркивая тот же характер трансцендентности современной власти, соответствующий «обществу дисциплины». Именно попыткой перехода в «общество контроля», при котором «множество» само воплощает и реализует власть, и была акция «Захвати Уолл-стрит», закончившаяся, впрочем, безуспешно. Конечным подтверждением моего тезиса, что именно «анонимусы» утверждают собой «множество» как политический концепт, разработанный постоперационистами, является статья Хардта и Негри о соответствии данной акции их собственным теоретическим наработкам [Hardt, Negri 2011], ведь символ «анонимусов» (маска Гая Фокса) стала и символом самой этой акции.

Таким образом, становление «анонимусов» не просто как интернет-субкультуры, но и как формы политического действия является первым практическим воплощением теоретического концепта «множества». Зародившись на анонимных имиджбордах (основанных лишь на лингвистическом взаимодей-

ствии их участников) в виде «троллей», чьей целью была всего лишь провокация других пользователей, это движение в конечном счете стало преследовать определенные политические цели. С одной стороны, следует признать, что цели эти достаточно размыты (ведь лозунг «Нас 99%» не говорит о том, как именно эти 99% должны действовать), но с другой стороны, эта размытость присуща и самим теоретическим наработкам авторов концепта «множества».

Таким образом, основания (когнитивно-познавательные способности людей), на которых базируется движение «анонимусов», соответствуют теоретическим основаниям концепта «множества». Несмотря на всю критику этого концепта, он имеет право на существование в том случае, если соблюдаются необходимые для него условия, которые описывают сами авторы концепта. Эти условия можно обнаружить в практике использования современных цифровых технологий, которые при этом не объемлют собой весь социальный мир в целом. Поэтому поиск «множества» в практиках за пределами цифрового взаимодействия кажется куда более сложной задачей, и здесь выглядят весьма верными точки зрения исследователей, которые скептически смотрят на постфордизм как на всеобъемлющий способ производства современности.

Литература

Альтюссер 2011 — *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html.

Вирно 2013 — *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с итал. М.: Ad Marginem Press, 2013.

Делёз 2004 — *Делёз Ж.* Переговоры / Пер. с фр. СПб.: Наука, 2004.

Ермолаев 2008 — *Ермолаев С.* Левый поворот направо // Скепсис. 2008. № 5. Цит. по электрон. версии. URL: http://scepsis.net/library/id_2235.html.

Кагарлицкий 2004 — [*Кагарлицкий Б.*] Борис Кагарлицкий vs. Олег Кильдюшов: Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя // Критическая масса. 2004. № 3. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/km/2004/3/bo39.html.

Фуко 2010 — *Фуко М.* Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж Де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. СПб.: Наука, 2010.

Хардт, Негри 2004 — *Хардт М.*, *Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.

Хардт, Негри 2006 — *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

Чижова 2013 — *Чижова Т.* «Грамматика множества» Паоло Вирно: к проблеме субъекта политического действия в эпоху постфордизма // Топос. 2013. № 1. С. 133–142.

Amin 2005 — *Amin S.* Empire and multitude // Monthly Review. Vol. 57. No. 6. 2005. URL: http://monthlyreview.org/2005/10/01/empire-and-multitude.

Coleman 2014 — *Coleman G.* Hacker, hoaxer, whistleblower, spy. The many faces of Anonymous. London: Verso Books, 2014.

Hardt, Negri, 2011 — *Hardt M., Negri A.* The fight for “Real democracy” at the heart of Occupy Wall Street // Foreign Affairs. 2011. October 11. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2011-10-11/fight-real-democracy-heart-occupy-wall-street.

Agency of "Anonymous": Possibility of "multitude" in digital space

Koran, Gleb Yu.
MA in Sociology
PhD Student, European Humanities University (Vilnius)
Valakupių g. 5, 10101 Vilnius, Lietuva
Tel.: +370 5 274 0622

Abstract. One of the most popular concepts in contemporary political philosophy is that of "multitude", which means the joint exercise of power by a great number of individuals, connected among themselves only by their singularities. This article is made up of two parts. In the first, I present a genealogical interpretation of the concept of "multitude" in contemporary political philosophy, which treats "multitude" as a type of embodiment of power in a "society of control" coming after a "disciplinary society". The contemporary internet-movement of "Anonymous" most sharply embodies this type of functioning of power dispersed between singular individuals. A juxtaposition of "Anonymous" as a movement functioning in digital space and "multitude" as a political concept is treated in the second part of this article.

Keywords: multitude, Post-Fordism, new media, social media, agency, cognitive capitalism

References

Al'tiusser, L. (2011). Ideologiia i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlia issledovaniia) [Transl. from Althusser, L. (1976). Idéologie et appareils idéologiques d'Etat. *Positions (1964–1975)*, 67–125. Paris: Les Éditions sociales]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on politics and culture]*, 2011*(3). Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html. (In Russian).

Amin, S. (2005). Empire and multitude. *Monthly Review, 57*(6). Retrieved from http://monthlyreview.org/2005/10/01/empire-and-multitude.

Chizhova, T. (2013). "Grammatika mnozhestva" Paolo Virno: k probleme sub''ekta politicheskogo deistviia v epokhu postfordizma ["Grammar of multitude" by Paolo Virno: On the problem of political action in the age of Post-Fordism]. *Topos, 2013*(1), 133–142. (In Russian).

Coleman, G. (2014). *Hacker, hoaxer, whistleblower, spy. The many faces of anonymous.* London: Verso Books.

Delez, Zh. (2004). *Peregovory* [Transl. from Deleuze, G. (1990). *Pourparlers.* Paris: Les Editions de Minuit]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Ermolaev, S. (2008). Levyi povorot napravo [Left turn to the right]. *Skepsis* [Scepsis]*, 2008*(5). Retrieved from http://scepsis.net/library/id_2235.html. (In Russian).

Fuko, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [Transl. from Foucault, M. (2004). *La Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France (1978–1979).* [Paris]: Seuil: Gallimard]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Hardt, M., Negri, A. (2011, October 11). The fight for "Real democracy" at the heart of Occupy Wall Street. *Foreign Affairs.* Retrieved from https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2011-10-11/fight-real-democracy-heart-occupy-wall-street.

[Kagarlitskii, B.] (2004). Boris Kagarlitskii vs. Oleg Kil'diushov: Maikl Hardt, Antonio Negri. Imperiia [Boris Kagarlitskii vs. Oleg Kil'diushov: Michael Hardt, Antonio Negri. Empire]. *Kriticheskaia massa* [Critical mass]*, 2004*(3). Retrieved from http://magazines.russ.ru/km/2004/3/bo39.html (In Russian).

Khardt, M., Negri, A. (2004). *Imperiia* [Transl. from Hardt, M., Negri, A. (2000). *Empire*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press]. Moscow: Praksis. (In Russian).

Khardt, M., Negri, A. (2006). *Mnozhestvo: voina i demokratiia v epokhu imperii.* [Transl. from Hardt, M., Negri A. (2004). *Multitude. War and democracy in the age of empire*. New York: Penguin Press]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia. (In Russian).

Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni* [Transl. from Virno, P. (2001). *Grammatica della moltitudine. Per una analisi delle forme di vita contemporanee.* Soveria Manelli: Rubettino Editore]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

Koran, G. Yu. (2017). Agency of "Anonymous": Possibility of "multitude" in digital space. *Shagi / Steps, 3*(2), 190–204